

Елена Александровна Кучина

*соискатель кафедры истории русской литературы
и теории литературы,
Удмуртский государственный университет
(Ижевск, Российская Федерация)
eakuchina@mail.ru*

МОЛИТВА И «ДУХОВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ» ОБРАЗА ВОЗЛЮБЛЕННОЙ В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА

Аннотация: Молитва в лирике А. С. Пушкина предстает в своем экклезиологическом контексте. В «молитвенных» стихотворениях Пушкина, посвященных женщине, актуализируется мотив одухотворения любовного чувства в свете христианского восприятия красоты. Поэтические «молитвословия» Пушкина оказываются созвучны святоотеческой мысли. В «Акафисте Екатерине Николаевне Карамзиной» передана *молитва-восхваление*, в стихотворениях «Я вас любил: любовь еще, быть может...» и «К***» (1832) представлена *молитва-благословение*, в сонете «Мадона» — *молитва-благодарение*, в стихотворении «Красавица» (1832) — *молитва-созерцание*. Героиня этих пушкинских стихотворений осознается как божественное создание, и образ ее является сакральным для автора.

В лирических текстах Пушкина опознаются глубокие евангельские смыслы, обнаруживается их тесная связь с православным богослужением и гимнографическим творчеством. Молитва у Пушкина передается через иконичность слова и образа, влияя на изменение мироотношения поэта, эволюционирующего от эмоционально-чувственного восприятия к духовно-аскетическому мироосмыслению.

Ключевые слова: лирика А. С. Пушкина, православная традиция, молитва, гимнография, поэтизация красоты

Молитва в лирике А. С. Пушкина — своеобразная константа его художественных текстов, одна из сущностных универсалий его творчества; это явление религиозно-эстетического порядка, непосредственно связанное с доминантным для отечественной культуры типом христианской духовности [2, 267].

Если молитва за друзей присутствует уже в ранней лирике Пушкина, то в стихотворениях, обращенных к возлюбленной, молитва появляется только в его зрелом творчестве. На смену юношеской страстности и чувственности, преобладавшим в ранней поэзии Пушкина, приходит стремление

к идеальной, целомудренной, жертвенной любви, основанной на христианских ценностях.

В «Основах христианской культуры» известный религиозный философ XX в. И. А. Ильин приходит к выводу, что «произведение искусства художественно не тогда, когда "эффектна" и "оригинальна" его эстетическая материя, но тогда, когда оно верно своему сокровенному, духовному предмету. <...> Культура творится изнутри; она есть создание души и духа; христианскую культуру может творить только христиански укрепленная душа <...>» [4, 26].

Достижения европейской культуры в области стилей и жанров Пушкин уже в своем раннем творчестве нередко использует в качестве формальных образцов, наполняя их христианскими категориями и образностью, составляющими духовное ядро поэтических текстов [6, 260].

Раскрывая тему любви в пушкинской молитвенной поэзии, мы ограничимся указанием адресата, если таковой имеется, и некоторых биографических сведений жизни поэта, принципиально важных для истолкования текстов. В нашем понимании, молитва непосредственно связана с гимнографической традицией и святоотеческим Преданием Православной Церкви, так как генезис молитвы непосредственно восходит к христианской сотериологической культуре¹.

«Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной» (31 июля, 1827) Пушкина ориентирован на жанр церковной поэзии — *акафист*, иначе молитва-восхваление, похвала, торжественная песнь². (Сравним: «Акафист великомученице Екатерине», «Акафист преподобному Сергию Радонежскому», «Акафист святителю Николаю Чудотворцу» и т. д.).

Это стихотворение Пушкин записал в альбоме Е. Н. Карамзиной (по мужу княгини Мещерской), дочери известного историка. Этот текст является своеобразной пушкинской рецепцией гимнографического творчества. Выбирая форму *акафиста*, торжественный тон, грамматику и лексику церковнославянского языка («благоговеньем», «умиленьем», «светило», «эфирной тишине небес», устаревшую форму «очес») поэт тем самым сакрализует образ женщины.

В «Акафисте Екатерине Николаевне Карамзиной» создается смысловая параллель: мореплаватель, мореход, благодарящий Богородицу за свое спасение, и поэт, славословящий женщину:

Так посвящаю с умилением
 Простой, увядший мой венец
 Тебе, высокое светило
 В эфирной тишине небес. (64)³

Образ женщины сравнивается с «высоким / чистым / спокойным светилом», «звездой», «святой странницей» (64, 597) (в белой и черновой редакциях). Возвышенный строй души подключает духовное зрение — и перед ним предстает идеальный облик адресата («высокое светило»). Такое состояние есть состояние *духовной любви* к другому человеку и ко всему сущему на земле и на небе, проявляющееся через категорию умиления. В. Н. Захаров обосновывает *умиление* как одну из своеобразных эстетических категорий, присущих русскому национальному самосознанию. Он приходит к выводу, что «умиление как особое духовное состояние любви человека к человеку и к Богу выражено в языке Пушкина» [3, 164].

Согласно святоотеческой традиции, *умиление* не связано с чувственным восприятием мира и его явлений, напротив, это состояние является благодатным даром души, очищенной от страстей и пребывающей в трезвении и сердечной чистоте⁴. Как от всего сердца, трепеща и благоговей, молящийся благодарит Святую Владычицу, так же откровенен поэт, посвящая эти строки Карамзиной:

Так посвящаю с умилением ...
 ...Тебе, сияющей так мило
 Для наших набожных очес. (64)

Умиление перед небесной красотой женщины рождает чувство благоговения, присущее христианскому мировосприятию. Женская красота воспринимается Пушкиным как красота Божьего творения.

В стихотворении «Я вас любил: любовь еще, быть может...» (1829) молитва имеет особую смысловую значимость. Духовная доминанта стихотворения заключена

в эмоционально тонком психологическом состоянии поэта, рождающем финальное *молитвенное пожелание* — *благословение* возлюбленной:

...Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим. (188)

В данном случае молитвенная фраза «дай вам Бог» обладает важной семантической нагрузкой. Художественная ткань этого текста «держится» на лексико-звуковой гармонии стиха, его удивительной по тональности мелодике: экспрессии повторов и однородных членов, отрицаний, приглагольных эпитетов, на поразительной способности местоимений выразить глубину возвышенно-духовного настроения поэта: Я — Вы (Вас, Вам) — Другой (Другим), Я — Другой. *Молитва-благословение*, включающая в себя сакроним «Бог», возводит стихотворение на новый уровень, «преображает» содержание всего текста.

Молитва-благодарение представлена в сонете «Мадонна» (8 июля, 1830), посвященном, как считают исследователи, Н. Н. Гончаровой.

Н. Н. Гончарова в полной мере отвечала семейным идеалам Пушкина: добрая, кроткая, религиозная (мать, Наталья Ивановна, воспитывала дочерей в строгости и послушании). Пушкин дарит Гончаровой возвышенно-прекрасные строки, предваряя их описанием любимой «картины»⁵:

... Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна... (224)

Проникновенно и безыскусно звучат слова благодарности Создателю, *молитва-благодарение* за нисхождение к поэту невесты как образа чистоты («чистейшей прелести чистейший образец»).

К этому тематическому ряду относится стихотворение «Красавица» (май — июнь, 1832), внесенное в альбом Елены Михайловны Завадовской (урожденной Влодек), жены знакомого Пушкина графа Завадовского. По свидетельствам современников, Е. М. Завадовская отличалась исключительной красотой, ее называли «первой красавицей». В этом

тексте поэт славословит одухотворенную красоту — женская красота изображена Пушкиным как Божье Творенье и Божий Дар:

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей... (287)

Пушкин раскрывает *красоту*, непричастную светским модным шаблонам, земной суете:

...Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей...

Поэтически совершенно и психологически точно передано в стихотворении *ощущение истинной и безупречной чистоты — красоты без внешнего и внутреннего порока*:

Ей нет соперниц, нет подруг...

Эта мысль утверждается приемом повтора («Все в ней ... все диво, / Все выше ...»), отрицанием («Ей нет соперниц, нет подруг»), антитезой контекста и эпитетов («В красе торжественной своей» – «Красавиц наших бледный круг»), параллелизмом фраз (1-й и 3-й стихи второй строфы). Подлинная красота у Пушкина – «стыдлива».

Пушкин воспевает красоту женского образа как сияние, как свойство духа («В ее сияньи исчезает...»). Образ, созданный Пушкиным в этом стихотворении, ведет к постижению Первообраза, соприкосновение с которым и рождает у поэта *молитву-созерцание*:

...Куда бы ты ни поспешал...
Но встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно...
Благоговей богомольно
Перед святыней красоты. (287)

Пушкин указывает на особое состояние *богомольного благоговения*, вызываемого созерцанием «святыни красоты». У Пушкина истинная красота рождена святостью – это исключительно христианское понимание красоты. Встреча с красавицей становится *онтологическим переживанием* для

поэта, вызывающим у него молитвенный настрой и рождающим способность к творчеству.

Особенно ярко это эмоционально-психологическое состояние поэта проявляется в стихотворении «К***» (сентябрь – 5 октября, 1832). Исследователи считают адресатом лирического текста Надежду Львовну Соллогуб, петербургскую знакомую Пушкина.

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно предаваться! (288)

Пять отрицаний в одной строке: слово сбивчиво, ритм «рвется». Поэт перед красотой женщины приходит в замешательство, становится слабым, бессильным, что рождает в нем чувство самоумаления. Божественная красота женщины контрастирует с миром («бледным кругом девиц») и даже с образом самого поэта. Отношение поэта к женщине передается по-прежнему подчеркнуто возвышенными словесными формами («Младое, чистое, небесное создание», «милой деве»); при этом герой-поэт преодолевает волнение души:

...Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться... (288)

Молитва-благословение звучит как логическое завершение стихотворения:

...Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцем ей желать все блага жизни сей,
Веселый мир души, беспечные досуги...

Здесь, как в стихотворении «Я вас любил: любовь еще, быть может...» звучат мотивы благодарности и всепрощения:

...Все – даже счастье того, кто избран ей,
Кто милой деве даст название супруги.

«Святыня красоты» у Пушкина становится видимой только «набожными очами». Так, по свидетельству святителя Игнатия (Брянчанинова), только в религиозном ведении человеку открыты глубина и пространство мироздания⁶. Рассматриваемые стихотворения Пушкина исполнены различных молитвенных

чувств; духовную семантику этих произведений не передать и всем стилистическим богатством лексики дальнего жизненного круга, но можно выразить словесными формулами, соотносимыми со славословиями Пречистой Девы [см. 1, 69–80]. Сравним возвышенное поэтическое обращение поэта к женщине с молитвенным обращением святых отцов к Божьей Матери: *Льствице Небесная, Невѣсто Невѣстная, Свѣтило незаходимаго Свѣта* (Акафист Богородице), *Чистшая свѣтлостей солнечныхъ, Надежде Ненадежныхъ* (стихиры, Канон молебный к Богородице), *Источникъ свѣта, и потокъ свѣтлости неистощимый, Вельми добротою украси Тя Богъ, яко въ челоуѣцѣхъ свѣтъ на руку Твоею: Яже едина во Свѣтъ Его, якоже палату красну сию украсилъ еси* (Служба общая праздникам Богородичным) и т. д.⁷

Как в богослужебной поэзии, так и у Пушкина намеренно следуют друг за другом однокоренные слова (например, «Чистойшей прелести чистейший образец», «Я вас любил: любовь еще...» и др.), близкие по семантике слова («прелесть» — «образец» в сонете; «высокое светило» — «тебе сияющей так мило» в «Акафисте Екатерине Николаевне Карамзиной»; «гармония» — «диво» — «торжественная краса» — «сиянье» в «Красавице» и др.). Часты и повторы слов, в результате чего возникает синтаксический параллелизм или анафора: «Одной картины я желал быть вечно зритель, / Одной: чтоб на меня с холста... / Одни, без ангелов, под пальмою Сиона...» в сонете; «Тебе, высокое светило... / Тебе, сияющей так мило...» в «Акафисте Екатерине Николаевне Карамзиной»; «Я вас любил... / Я вас любил... / Я вас любил...» в «Я вас любил: любовь еще, быть может...»; «Все в ней гармония, все диво, / Все выше мира и страстей», «Она покоится стыдливо... / Она кругом себя взирает...» в «Красавице»).

Гимнография как вид духовного творчества оказала значительное воздействие на классическую русскую поэзию. Богослужебная поэзия не могла не повлиять на светскую поэзию своим содержанием, формой, а в особенности, языком. Именно лирика, выражая личностные переживания, душевные состояния человека, глубже других искусств откликается на литургическое творчество.

В «молитвенных» стихотворениях Пушкина, посвященных женщине, *поэтической молитве* сопутствует *поэтическое умиление*, выражающее нечто очень личное, сокрытое в душе. Образ женщины в пушкинской лирике светел и тих: она «высокое светило», «в эфирной тишине Небес», «в тиши сияющая так мило» и далекая «звезда среди родных небес» (из черновых вариантов) — в «Акафисте Екатерине Николаевне Карамзиной». В ней все — «небесная» гармония и «образцовая» красота, неземная, надмирная («чистейшей прелести чистейший образец» в «Мадонне»). Она — тихий свет красоты, доброты, истины, созерцаемый духовными очами — *образ Божьего мира*. Героиня этих пушкинских стихотворений предстает как божественное создание, без зазора между Божественным замыслом и его тварным воплощением. В этих стихотворениях актуализируется и мотив одухотворения самого любовного чувства, христианского (братского) по своей природе. При этом важную роль здесь играют эпитеты *чистый, небесный, тихий*.

Стоит отметить, что пушкинские характеристики, изображающие «возлюбленную», не репрезентативны для жанра портрета или картины: они символизируют принадлежность другому семантическому полю («Не множеством картин известных мастеров...», «Все выше мира и страстей...»). Женщина в стихотворениях Пушкина предстает в символике обратной перспективы — *иконы*; ее красота светоносна, как явленное Добро и Истина. Во всех отмеченных поэтических текстах Пушкина представлен *молитвенно-иконический* [1, 77] тип художественного воплощения образности, где постижение красоты является результатом не душевного, но духовного опыта.

В изображении «возлюбленной» у Пушкина нет произвольной творческой фантазии, почти нет личных эмоций. Описание *красоты* сопряжено с духовным уровнем, на котором раскрывается ее внутренний смысл, идея. Такое понимание восприятия красоты свойственно богослужебной и святоотеческой литературе, где красота есть благообразие, сладость, блаженство⁸, а также порядок, устройство, украшение, «цветущее время юности»⁹.

Итак, феномен существования *молитвы* в пушкинской лирике — явление сложное и многоплановое, имеющее свои особенности и неповторимые, уникальные черты. Обращаясь к святоотеческому опыту понимания *молитвы*, Пушкин вводит ее в свое творчество в высшей степени осмотрительно и органично: может быть, поэтому в поэзии Пушкина обнаруживается такое разнообразие различных вариаций молитвы, звучащей в его текстах закономерно и естественно. Эти тексты принципиально отличаются от стихотворений любовной тематики, не включающих в себя молитву (сравним, «Адели» 1822 года, «Признание» 1826 года, «Е. Н. Ушаковой» 1829 года и др.). Именно в «молитвенных» стихотворениях Пушкина активно проявляет себя и *категория умиления*, с помощью которой *образ женщины* воплощается как некоторое духовное видение прекрасного (взамен воображения, фантазии).

Пушкин восхваляет красоту и мудрость как «божественные» свойства женщины, раскрывая ее истинную (целомудренную и стыдливую) красоту, непричастную земному, случайным переменам и превращениям. «Молитвенное» слово в лирике Пушкина способствует совершенствованию формы, движущейся от эмоционально-чувственного к духовно-аскетическому мироосмыслению, от живописной изобразительности слова к иконической ясности и иератизму, от европейского формотворчества к постижению содержательной глубины святоотеческого наследия.

Примечания

- ¹ См. православное учение о молитве: Григорий (Синаит), прп. Творения: О безмолвии и двух образах молитвы / Пер. с греч. еп. Вениамина (Милова). М., 1999. С. 94—112; Невидимая брань. Блаженной памяти старца Никодима Святогорца / Пер. с греч. еп. Феофана (Говорова). Св.-Тр. Сергиева Лавра, 1992. С. 187—194; Преподобного отца нашего Иоанна Лествичника Лествица: Слово 28-е О матери добродѣтелей, священной и блаженной молитвѣ и о предстояніи въ ней умоу и тѣломъ. Св.-Успенск. Псково-Печерск. монастырь, 1994. С. 232—242; Игнатий (Брянчанинов), свт. О молитве // Аскетические опыты. Минск., 2008. С. 62—89 и др.

- ² См.: Полный церковно-славянский словарь (со внесениемъ въ него важнѣйшихъ древне-русскихъ словъ и выражений) / Сост. свящ. Григорий (Дьяченко) [репринт. изд.]. М., 2000. С. 9; Православная энциклопедия: В 40 т. / Под ред. Патр. Моск. и всея Руси Алексия II. М., 2000. Т. 1 С. 371—381.
- ³ Здесь и далее произведения цитируются по: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 19 т. Т. 3 (кн. 1). М.: Воскресенье, 1995. 635 с. Номер страницы приводится в круглых скобках после цитаты.
- ⁴ Поэтому в святоотеческой литературе *умиление* тесно граничит с чувством *сокрушения* (или покаяния), см.: Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. М., 2001. С. 249—250, 407—408 и др.
- ⁵ По мысли В. В. Лепяхина, Пушкин говорит в стихотворении о картине Рафаэля Санти «Сикстинская Мадонна» (1512—1513), см.: Лепяхин В. В. Икона в поэзии и прозе А. С. Пушкина // Икона в русской художественной литературе: Икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы. М., 2002. С. 140—142.
- ⁶ Игнатий (Брянчанинов), свт. Плач мой // Аскетические опыты. Минск., 2008. С. 474—495.
- ⁷ См. Акафисты и каноны на каждый день. М., 2004. С. 216—229, 362—380, 381—411; Канонник, или полный молитвослов. Минск., 2006. С. 99, С. 121; Минея общая. Св.-Тр. Сергиева Лавра, 2009. С. 10—17.
- ⁸ См. Полный церковно-славянский словарь (со внесениемъ въ него важнѣйшихъ древне-русскихъ словъ и выражений) / Сост. свящ. Григорий (Дьяченко) [репринт. изд.]. М., 2000. С. 268.
- ⁹ Церковно-славянский словарь для толкового чтения Св. Евангелия, Часослова, Псалтири, Октоиха (учебных) и других Богослужбныхъ книгъ / Сост. протоиер. А. Свирелин [репринт. изд.]. М., 1991. С. 82.

Список литературы

1. *Аверинцев С. С.* Между «изъяснением» и «прикровением»: ситуация образа в поэзии Ефрема Сирина // Аверинцев С. С. Поэты. М.: Языки славянской культуры, 1996. С. 43—96.
2. *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. 288 с.
3. *Захаров В. Н.* Умиление как категория поэтики Достоевского // Теория Традиции: христианство и русская словесность. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. С. 163—185.
4. *Ильин И. А.* Основы христианской культуры. О сопротивлении злу силой. М.: АСТ, 2007. 320 с. (Философия. Психология)

5. *Лепяхин В. В.* Икона в поэзии и прозе А. С. Пушкина // Лепяхин В. В. Икона в русской художественной литературе: Икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы. М.: Отчий дом, 2002. С. 114–144.
6. *Мосалева Г. В.* Категория преображения в творчестве А. С. Пушкина // Пушкинские чтения–2011. «Живые» традиции в литературе: жанр, автор, герой текст. СПб., 2011. С. 254–262.
7. *Мосалева Г. В.* «Храмостроительство» русской словесности: старчество и икона // Духовная традиция в русской литературе. Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2009. С. 74–97.

Elena Alexandrovna Kuchina

*applicant of the Department of History of Russian Literature
and Literary Theory of Udmurt State University
(Izhevsk, Russian Federation)
eakuchina@mail.ru*

PRAYER AND THE «SPIRITUAL CONSTITUENT» IN THE IMAGE OF A BELOVED IN ALEXANDER PUSHKIN'S LYRIC POETRY

Abstract: Prayer in Alexander Pushkin's lyric poetry appears in its natural ecclesiological context. In his prayerful poems devoted to a woman the motif of turning Love into Divinity in the light of Christian understanding of Beauty plays the most important role. Pushkin's personal prayers are very close to the patristic idea. In his poem *Akathist to Ekaterina Nikolaevna Karamzina* Pushkin embodied the prayer-praising; in his poem *I loved you — and love it may yet be Deep in my soul...* he embodied the prayer-blessing; in his sonnet *Madonna* the reader can find benediction and in the poem *To the Beauty* (1832) one can feel the state of religious reverence. The heroine of these poems is considered to be a divine creature, a sacral image.

In Pushkin's lyric poetry these profound evangelical ideas are being renewed. The hymnologic genre and Christian divine service in his poems become obvious. The artistic embodiment of a prayer becomes possible with the help of an iconic word and image. A prayerful word in Pushkin's poems contributes to idealization of the form that evolves from emotional and sensual state to spiritual and ascetical world-view, from the artistic and figurative word to the iconic clarity.

Keywords: Alexander Pushkin's lyric poetry, Christian tradition, prayer, hymnologic genre, poetic Beauty

References

1. Averintsev S. S. Mezhdú «iz'yasneniem» i «prikroveniem»: situatsiya obraza v poezii Efrema Sirina [Between “explanation” and “concealment”: the situation with an image in Yefrem Sirin's lyrics]. *Averintsev S. S. Poety*

- [Averintsev S. *Poets*]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1996, pp. 43–96.
2. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoj literature* [*The Category of Sobornost in the Russian Literature*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. 288 p.
 3. Zakharov V. N. Umilenie kak kategoriya poetiki Dostoevskogo [Tenderness as a category in Dostoyevskiy's poetry]. *Teoriya Traditsii: khristianstvo i russkaya slovesnost'* [*The Theory of Traditions: Christianity and the Russian Literature*]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 2009, pp. 163–185.
 4. Il'in I. A. *Osnovy khristianskoj kul'tury. O soprotivlenii zlu siloy* [*The Theory of the Christian Culture. On the Resistance to the Evil*]. Moscow, AST Publ., 2007. 320 p.
 5. Lepakhin V. V. Ikona v poezii i proze A. S. Pushkina [The icon in A. Pushkin's lyrics and prose]. *Lepakhin V. V. Ikona v russkoj khudozhestvennoy literature: Ikona i ikonopochitanie, ikonopis' i ikonopistsy* [*Lepakhin V. The Icon in the Russian Literature. The Icon and the Veneration of Relics, Icon Painting and Icon Painters*]. Moscow, Otchiy Dom Publ., 2002, pp. 114–144.
 6. Mosaleva G. V. Kategoriya preobrazheniya v tvorchestve A. S. Pushkina [The category of Transfiguration in A. Pushkin's creativity]. *Pushkinskie chteniya–2011. «Zhivyye» traditsii v literature: zhanr, avtor, geroy, tekst* [*A. Pushkin reading-2011. «Living» Traditions in Literature: The Genre, Author, Hero, Text*]. St. Petersburg, 2011, pp. 254–262.
 7. Mosaleva G. V. «Khramostroitel'stvo» russkoj slovesnosti: starchestvo i ikona [«The building of temples» in the Russian literature: the spiritual principles of monastic elders]. *Dukhovnaya traditsiya v russkoj literature* [*The Spiritual Tradition in the Russian Literature*]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 2009. pp. 74–97.